

ПИСЬМО АННЫ ПЕТРОВНЫ ЗОНТАГЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ¹⁾.

Мишенское, 25-е Сентября 1853 года.

Ваше письмо, милостивый государь Петръ Ивановичъ, такъ смутило меня, что я долго не могла собраться съ мыслями и смотрѣла на себя какъ на изгнанницу изъ дорогого моего Мишенскаго. Конечно, мнѣ грустно, что оно не перейдетъ въ руки моей дочери²⁾, но продать его... мнѣ кажется это какимъ-то преступленіемъ. Не говорю о томъ, что это единственный уголь, какой я имѣю; за деньги всегда найдешь себѣ уголь, но никакой другой не можетъ быть мнѣ такъ милъ. Если бы я могла передать Мишенское самому Жуковскому, я отдала бы его не за деньги, а за кусокъ хлѣба, которымъ бы онъ обязался кормить меня по смерть мою. Жуковскому Мишенское было бы столь же священо какъ и мнѣ самой, но дѣти его не имѣютъ причины любить этотъ святой для насъ уголокъ. Здѣсь схоронены предки мои, которыхъ я не знала, здѣсь схоронены: дѣдъ мой Аванасій Ивановичъ, бабка моя Марья Григорьевна Бунина (она была мнѣ вмѣсто матери); здѣсь схоронены отецъ мой, мать моя, тетка, сестра моя, которыхъ уже я знала—и мнѣ продавать кости ихъ!.. Сверхъ того въ Мишенскомъ каждое лице мнѣ знакомо; почти каждаго крестьянина и каждую крестьянку я знала по имени, и нѣтъ ни одного человѣка, которому бы я не дѣлала добра; всѣмъ имъ хорошо жить при мнѣ, слѣдственно

---

¹⁾ А. П. Зонтагъ, старшая дочь Варвары Аванасьевны (рожд. Буниной) и Петра Николаевича Юшковыхъ, овдовѣвъ послѣ Егора Ивановича Зонтага, проживала въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, которое было родиною Жуковскаго. Лѣтомъ 1853 года съѣздила я въ это село Мишенское подъ Бѣлевымъ, чтобы взглянуть на воспитаніе Жуковскимъ мѣсто его рожденія и первыхъ лѣтъ жизни. О красотѣ Мишенскаго написалъ я въ Петербургъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, и та возымѣла мысль, чтобы Наслѣдникъ-Цесаревичъ приобрѣлъ это имѣніе и подарилъ его дѣтямъ своего наставника, которыя тогда привезены были своею матерью въ Москву. Объ этой мысли я написалъ владѣльницѣ Мишенскаго, и А. П. Зонтагъ, на него отвѣчала помѣщаемымъ здѣсь письмомъ. П. Б.

²⁾ Марья Егоровна Гутмансталь, которая жила со своимъ супругомъ (Австрійскимъ подданнымъ) и сыновьями за границею. П. Б.

всѣ они меня (за исключеніемъ, можетъ статья, двухъ-трехъ всего домовъ) любятъ, и я стану продавать эти христіанскія души, которыя называютъ меня матерью! При самомъ Жуковскомъ крестьянамъ Мишенскимъ было бы еще лучше нежели при мнѣ; не такъ будетъ при дѣтяхъ его. Пока они въ малолѣтствѣ, имѣніе ихъ достанется въ управленіе Лифляндскимъ дворянамъ или Лифляндскимъ управителямъ, которые крестьянъ вообще, а особливо Русскихъ крестьянъ, считаютъ рабочими скотами, сотворенными Господомъ Богомъ только для того, чтобы доставлять помѣщику доходъ. Несчастье бѣдныхъ моихъ крестьянъ и въ могилѣ не дастъ мнѣ покоя. Продать деревню противно моей совѣсти, а особливо продать Мишенское. Мнѣ скажутъ, что я уже продала маленькую Козельскую деревню генералу Скобелеву. Это правда. Я также продала семью дворовыхъ людей; но тогда имѣніемъ моимъ распоряжался мужъ мой, который лучше меня зналъ что дѣлать.

Конечно, казна не дастъ и половины того чего стоитъ мое имѣніе, послѣ моей смерти, и дочери моей достанется послѣ меня меньше, чѣмъ теперь, если бы я согласилась на предлагаемую продажу. Но дочь моя сама выбрала судьбу свою; я сказала ей все что она терять. По крайній мѣрѣ я умру спокойно, думая, что крестьяне мои перейдутъ въ руки царскія, отъ которыхъ предки мои получили отчину въ награду за вѣрность ихъ отечеству. Дочь моя не сохранитъ этой вѣрности и потерпитъ ущербъ въ своихъ выгодахъ; это справедливо. Крестьяне же вообще довольно счастливы въ казенномъ управленіи, хотя со времени Киселевскаго министерства имъ хуже прежняго. Для Пашеньки¹⁾ Жуковскаго Мишенское не будетъ имѣть той цѣны, которую оно имѣло для отца его. Слѣдственно это имѣніе, или какое другое, для него все равно. И можетъ статья, имѣніе въ Остзейскихъ губерніяхъ было бы для него пріятнѣе. Его пріучаютъ быть Нѣмцемъ, и я боюсь, что онъ навсегда останется Нѣмцемъ²⁾.

Вотъ отчасти тѣ мысли, которыя мнѣ внушило ваше письмо.

Я хотѣла пріѣхать въ Москву въ Августъ, но у насъ по нынѣшній день безпрестанно шли проливные дожди, и дороги такъ дурны, что даже отъ меня до Бѣлева³⁾ нѣтъ никакого проѣзда; сверхъ того на эту ненастную погоду я простудилась и все была больна; теперь мнѣ

¹⁾ Т. е. для Павла Васильевича Жуковскаго. П. Б.

²⁾ Опасеніе ни малѣйше неоправдавшееся. П. Б.

³⁾ Всего четыре-пять верстъ. П. Б.

лучше, но все еще я не оправилась, почему и отложила свой прїѣздъ въ Москву до перваго пути.

Мнѣ жаль, что вы успѣшили сообщить Антонинѣ Дмитріевнѣ слово сказанное вскользь. Продать Мишенское я считаю преступленіемъ. Я не продала бы его, если бы мнѣ предлагали милліоны; а если бы я была такъ безсовѣтна, чтобы согласилась на эту продажу, то огромной цѣны, какъ вы пишете, я не стала бы требовать: ибо имѣніе это хотя имѣеть многія выгоды по сосѣдству своему къ городу и судоходной рѣкѣ, но очень мало земельно. Резоны мои покажутся, можетъ статья, смѣшными, но я ихъ глубоко чувствую и люблю Мишенское какъ стариннаго друга. Жуковскій понялъ бы меня. Какая судьба ожидаетъ эту деревню послѣ моей смерти*), это во власти Божіей, а мое желаніе положить мои кости возлѣ праха моихъ родителей. Пока Мишенская церковь стоять будетъ, въ ней будутъ молиться за создателей и благотворителей храма сего. Слѣдовательно будутъ молиться о моей бѣдной душѣ. Можетъ статья, молитва какого нибудь добраго человѣка будетъ услышана. Если же я продамъ, то боюсь нажить себѣ проклятіе. И изъ чего?... Изъ того, чтобы доставить дѣтямъ моимъ немного больше денегъ!

Прощайте, Петръ Ивановичъ. Будьте здоровы. Благодарю васъ однако: вы хотѣли сдѣлать мнѣ добро, но не знали хорошенько моихъ мыслей.

Увѣряю васъ въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Ваша покорная Анна Зонтагъ.

